

ОТЗЫВ

официального оппонента Балаш Александры Николаевны
на диссертационное исследование Углевой Натальи Владимировны на
тему «Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы,
практики», представленное на соискание ученой степени доктора
культурологии по специальности 5.10.2 – Музееведение, консервация и
реставрация историко-культурных объектов

Антропологический поворот, в котором как один из важных аспектов переосмысливается отношение человека и созданной им предметной сферы культуры, вовлекает в новые междисциплинарные исследования такие уже устоявшиеся дисциплины, как история декоративно-прикладного искусства. Мебель в этом плане – один из наиболее значимых видов прикладной деятельности, сущность которой непосредственно связана с трансляцией потребностей и механики человеческого тела, рутин человеческого существования. Мебель организует практики присутствия человека в данном ему жизненном пространстве, представляет опыт его функционального освоения и творческого преобразования.

Особенно остро это переживается по отношению к аутентичным предметам исторической мебели, которая в своих наиболее ценных и значимых образцах представлена в музейных собраниях. Отличность фактур, форм, системы декора исторической мебели и вместе с тем универсальность базовых функциональных аспектов создают особую атмосферу, насыщают смыслом и сложностью современный культурный контекст. Организующим фактором здесь становится музейная атрибуция. В наиболее общих чертах ее можно определить как длительное исследование, которое аккумулирует силу и значение музейных коллекций, направляет их к взаимодействию с современной культурой и обществом. Эти обстоятельства и определяют актуальность рассматриваемой диссертации, акцентируют потенциал культурологического подхода в музеологии.

Переходя к содержанию диссертации Натальи Владимировны Углевой, следует обозначить общую логику ее построения. Вначале определяются обстоятельства, связанные с введением предметов исторической мебели в аксиологическое поле национального культурного наследия в XIX в. и на рубеже XIX-XX вв. Далее следует анализ основных подходов к изучению истории древнерусской мебели в XX – первой четверти XXI вв., который реализуется как дискурсивная практика: определяются и структурируются позиции исследователей, в диалоге и подчас полемике с которыми

формируется авторская концепция. На завершающем этапе представляется опыт персональной атрибуционной работы с коллекцией древнерусской мебели в собрании отдела дерева и мебели Государственного исторического музея.

Обозначая широкий спектр протомузейных и ранних музейных практик, в первой главе диссертации раскрываются основные источники формирования музейных коллекций аутентичных артефактов, а также отмечаются обстоятельства создания и бытования реплик и воспроизведений, появившихся в эпоху историзма и модерна. Выделяется и анализируется мемориальный компонент как основа ранних практик сохранения и идентификации отдельных предметов мебели, а также обстоятельства развития эстетического отношения к предметам средневекового мебельного искусства.

Намечается достаточно сложная картина сохранения аутентичности, связанная в том числе с обстоятельствами бытования, перемещения и последующего включения уникальных предметов статусного бытового назначения в коллекции народного искусства наряду с образцами крестьянского домашнего ремесла и художественных промыслов. В диссертации, в том числе и в практической части исследования (С. 248-251), обоснована необходимость изучения современных музейных коллекций этого профиля для выявления таких объектов и их изучения в общем контексте фонда памятников древнерусской мебели.

В подтверждение данной позиции из личного «зрительского» опыта оппонента можно отметить факт присутствия на экспозиции Государственного русского музея «Русское народное искусство XVII-XXI вв.» подстоля XVII в. (ОНИ/Д-835) высокого уровня исполнения, поступившего из коллекции предметов народного искусства, приобретенных А.А. Половцовым для Музея Центрального училища технического рисования барона Штиглица в начале XX в. По отношению к подобным предметам возникает вопрос о способах их современной музейной интерпретации и репрезентации, о необходимых культурных контекстах.

Основной базой диссертационного исследования становится коллекция Отдела дерева и мебели Государственного исторического музея. «Выявление древнерусского наследия в фонде мебели ГИМ» (С. 158) определяет задачи не только практической части исследования, но в значительной мере становится доминирующим мотивом всей работы, вокруг которого формируются основные смысловые контексты. Состав привлекаемых к анализу памятников расширяется за счет изучения церемониальной мебели (тронных кресел) из Оружейной палаты (ГИКМЗ «Московский Кремль»), которые также

становятся объектом уточняющих исследований. В источниковой базе обозначены (С. 22), но затем более локально показаны отдельные образцы и небольшие комплексы из коллекций других музеев (в большей степени – на С. 97-102, при разборе исследований Александра Калимовича Чекалова); также называются некоторые предметы, известные в изображениях начала XX в., но позднее утраченные.

Понимая заложенную в этом подходе музеологическую идею, сфокусированную на раскрытии посредством реатрибуции информационного поля одного из наиболее полных и разнообразных музейных собраний древнерусской мебели, все же важным пожеланием было бы более последовательное вовлечение в исследовательские процедуры памятников из других музейных коллекций. Возможно, формой такого привлечения мог бы стать сводный каталог сохранившихся образцов древнерусской мебели из всех отечественных музейных собраний. Представляется, что такой каталог имел бы значительную эвристическую ценность, показал масштаб сохранившегося в настоящее время предметного фонда и разнообразие тех музеев, в том числе региональных, в коллекциях которых он рассредоточен. Эта систематизация могла бы стимулировать дальнейшее выявление и атрибуцию конкретных образцов, а в некоторых случаях – их реставрацию и включение в музейные экспозиции. Например, такое внимание было бы очень значимо для упоминавшегося во многих исследованиях стола с резьбой XVII в. из в. из Тотемского краеведческого музея (ТМО-5769), который поступил в коллекцию от художника Ф.М. Вахрушова и был обнаружен в его поездке по Кокшеньгской волости Тотемского уезда (1915 г.). Как экспонат сегодня этот уникальный исторический артефакт отнесен на второй план среди других предметов открытого музейного фондохранилища.

В журнале «Декоративное искусство СССР» в 1985 г. была опубликована статья Г.С. Кнабе «Язык бытовых вещей» (ДИ, 1985, № 1), этапная для дискуссии, развернувшейся вокруг вещи как феномена культуры в научной и творческой среде последней трети XX в. В этой статье были сформулированы основы концепции «вещи как образа», которая определяется как методологическая основа в рассматриваемом диссертационном исследовании. Г.С. Кнабе выделял «двойственность и взаимопроникновение социального и эмоционально-психологического в знаковой семантике бытовой вещи», усложнение форм взаимодействия этих компонентов в историческом развитии культуры. В связи с чем трудно согласиться с изложением базовых принципов его концепции в разделе диссертации, определяющем методологию исследования: «подхода к датированию и изучению древнерусской мебели как материального исторического источника,

аккумулировавшего информацию об уровне развития производства, соответствии конкретному художественному стилю эпохи, эстетических ценностях определенного этапа культурного развития страны, что соответствует методологии рассмотрения “вещи” как образа, разработанной Г.С. Кнабе» (С. 27-28).

Возможно, другие работы ученого, выявленный им на историческом материале культуры Древнего Рима «принцип создания вещи», при котором фиксируется «оптимально найденный, закрепленный в опыте поколений и освященный традицией структурный тип», относящийся «к иной, глубинной и малоподвижной сфере существования» (1989), аргументированно переносимый и на анализ средневекового предметного творчества, а также концепция соотношения этого идеального уровня моделирования и реального исторического развития предметных форм культуры и их восприятия в контексте исторической эпохи, были бы полезны в процессе осмысления концепции «консервативности художественного мышления» (С. 29, 32), которая предлагалась в объяснении развития форм древнерусской мебели предшествующими учеными и оспаривается в диссертации.

И наоборот, обсуждение вопросов стилеобразования в диссертации Н.В. Углевой рассматривается как один из ведущих факторов «включенности домонгольской Руси в общеевропейскую культуру» (С. 124). В связи с чем принимается за основу концепция, высказанная при моделировании форм древнерусской мебели Б.В. Сапуновым (1983): «Все более и более очевидным становится то, что домонгольская Русь была равноправным партнером стран европейского культурного региона. Общие закономерности развития мебельного искусства романского периода и ранней готики должны были как-то отразиться и на памятниках этой отрасли декоративно-прикладного искусства Руси» (С. 117, повтор С. 124). Схематичность этой позиции очевидна в сравнении с более гибкими подходами современного искусствознания, в котором стиль понимается как «редко достигаемая целостность качеств содержания и формы» (Власов В.Г., 2019), внимание фокусируется на вариантах историко-региональных стилей и развивающихся внутри них стилевых течениях, связанных с местными традициями. Такой подход позволяет более сложно и многообразно фиксировать историко-культурные связи и стилевые взаимодействия в различных видах искусства. Представляется, что в атрибуциях практической части диссертации на конкретном материале происходит смещение к этой более дифференцированной позиции.

Возможно, для более полного и аргументированного историко-культурного контекста, дополняющего стилистические размышления, было

бы важно учитывать корпус выявленных при археологических исследованиях памятников западноевропейского и восточного ремесла, присутствовавших в статусном быту (Даркевич В.П., 2010; Сержникова Д.С., 2019), на концептуальном уровне изучить возможность использования этого материала в атрибуционных исследованиях. В частности, для верификации и конкретизации на археологических материалах нижней границы важного для проблематики диссертации тезиса о том, что «мебель зарубежного производства издревле существовала в отечественном быту, как и другие предметы декоративного искусства» (С. 134); тогда как по отношению к позднему периоду (XVI-XVII вв.) эти позиции подтверждаются репрезентативным кругом письменных и вещественных источников, которые привлекаются в диссертации.

Археологические исследования представляют значимый материал для изучения средневековой материальной культуры. Было бы целесообразно ввести в круг рассматриваемых персоналий второй главы не только историков мебели, но и непосредственно обратиться к анализу научного наследия Бориса Александровича Колчина, сфера интересов которого находилась в области изучения и публикации предметов из дерева, обнаруженных Новгородской археологической экспедицией. Именно Б.А. Колчин давал первичные атрибуции предметов, отождествляемых как фрагменты или детали мебели, на которые затем опирались, принимая или оспаривая их, историки прикладного искусства.

Более подробный анализ позиции Колчина на материале всех опубликованных им по данной теме работ, в том числе по отношению к использованию естественнонаучных методов консервации и датирующих исследований, а также изучение нового материала из охранно-спасательных археологических раскопок в Новгороде в XXI в., анализ современного состояния фондовой коллекции археологического дерева Новгородского музея-заповедника, – их введение в работу было бы оправдано тем, что в процессе реатрибуции выдвигается гипотеза о новгородском происхождении нескольких знаковых предметов. Возможно, сфокусированность именно на древнерусской мебели и связанных с ней контекстах (в том числе стилизации и имитаций), отказ от дополнительных примеров из практики атрибуции других частей фондовой коллекции ГИМ, позволили бы более четко обозначить концептуальные подходы исследования.

В третьей главе ярко представлен профессиональный опыт Н.В. Углевой как музейного куратора, атрибуционные исследования показаны как неразрывно связанные с различными режимами хранения и управления коллекциями Отдела дерева и мебели ГИМ. Такой подход соотносится с

тенденциями современной музеологии, стремлением в рамках широко представляемой концепции доступности наследия сделать максимально видимыми и отрефлексированными для общества аспекты внутренней работы музея, в том числе зону ответственности его кураторов – сохранение и изучение.

В этом контексте концептуально важно, что в тексте диссертации показано, как исследования по атрибуции возникают из рутинных музейных практик: их причиной могут такие события, как реэкспозиция и подготовка нового этикетажа; создание нового музея в структуре ГИМ, разделение зон кураторской ответственности внутри фонда, модернизация фондохранилища («оптимизация хранения»), сверка сохранности в фондохранилищах, применение технологических методов и междисциплинарное сотрудничество, – все эти технологические аспекты показаны как интегрированные в последующие музейные исследования и влияющие на развитие информационного поля коллекции. Во многих случаях описание процесса атрибуции показывает высокую степень экспертной субъектности (о значении которой писал еще М. Фридлиндер в работе «Знарок искусства» (1923)), в анализе дается яркое раскрытие экспрессивных свойств предмета, его морфологии, антропологической насыщенности прочтения «образа вещи». Концептуализация этого опыта становится основой для формирования ряда положений, выносимых на защиту (п. 4–7), представляет потенциал для музейных исследований, побуждает к профессиональным дискуссиям.

Представляется важным в ракурсе научной специальности, по которой защищается диссертация, осмысление соотношения подходов культурологической и искусствоведческой экспертизы, в том числе в предлагаемой концепции комплексного подхода. В связи с чем необходимо уточнить следующую позицию: в чем проявляется новизна и специфика авторского метода по отношению к идеям предшественников, в том числе М.М. Красилина, Ю.А. Халтурина (2008, 2014), которые изучали феномен комплексной экспертизы в музее, представляя атрибуцию как развивающееся междисциплинарное исследование?

Отдельный вопрос и сомнение касается возможности атрибуции музейных предметов с выделением, как ведущего, одного из датирующих признаков формально-стилистического анализа (С. 105). В большей степени это сомнение касается предметов, определяемых как наиболее ранние, исследование которых в силу объективных причин не может быть подкреплено документальными источниками. В целом кажется несколько преждевременным утверждение о возможности рассматривать весь комплекс предлагаемых результатов датирования памятников из коллекции ГИМ в

статусе «аналогового контента» (С. 7) для работы с Государственным каталогом Музейного фонда.

В этой связи особое внимание привлекает объект, реатрибуция которого является основанием для радикального смещения нижней границы при датировании памятников древнерусской мебели к IX-XI вв. (С. 31, 32). Это стул из собрания ГИМ (С. 220-225, рис. 43, ГИМ 37142), который в музейной документации зафиксирован как предмет первой половины XVIII в. Такая хронология подвергается сомнению и оспариванию при анализе материала и конструкции предмета, тогда как новое датирование делается в значительной мере в опоре на его орнаментацию. В этом контексте предмет определяется как связанный с новгородской культурой. В аналогах орнаментальных форм указывается изображение на псалми X в. (найден в 2002 г. на Троицком XV раскопе, после реставрации в 2025 г. поступил в собрание Новгородского музея-заповедника, атрибутирован как вещь представителя военной знати, варяжского воина, пример ранних связей Новгорода со странами Северной Европы). Далее указывается орнаментация деревянных гребней из самшита, которые происходят из раскопок Неревского конца, опубликованных Б.А. Колчиным. В тексте датировка предметов обозначена IX-XI вв. (С. 222), в альбоме (рис. 45) – XII-XIV вв. В публикации Колчина указано: «обнаружены в слоях всех веков, кроме XII», «подавляющее большинство самшитовых гребней ничем не покрывали [...] предпочитали естественную фактуру самшита какой-либо орнаментике [...] всего собрано более 40 орнаментированных гребней [...] XIII-XIV вв., в основном в первой половине XIV в.» (Колчин, 1971, С. 16). По отношению к норвежским креслам, которые также привлекаются для атрибуции, важно отметить, что в диссертации дается ссылка на блоги, тогда как, на официальном сайте Музея истории культуры Университета Осло (Kulturhistorisk museum, Universitetet i Oslo), раздел «мебель и церковная утварь», URL: <https://www.khm.uio.no/samlinger/norsk-middelalderkunst/mobler-og-kirkeinventar/>, кресло (в диссертации рис. 44, датирование XII-XIII вв.) определяется как «стул из Блейкера, ок. 1629 г.», что также требует комментария. Таким образом, фокусировка на предлагаемом в атрибуции периоде размывается. Представляется, что все эти моменты побуждают продолжить начатое изучение, безусловно, очень интересного предмета.

В связи с чем возникает вопрос: при описании применения метода радиоуглеродного датирования – описание «самого раннего памятника собрания ГИМ» (С. 255), по которому технологический метод дал датировку 1678-1947 гг. и среднюю дату 1804 г., связано ли это исследование с данным стулом? Также хотелось бы задать уточняющий вопрос о том, почему в работе

среди технологических исследований не рассматривается потенциал дендрохронологии как средства датирования исторической мебели.

В целом значительный и разнообразный по тематике круг публикации Н.В. Углевой по теме исследования, выступления на профессиональных конференциях с представлением проблематики музейного коллекционирования, сложных аспектов исторического бытования и «выживания» предметов древнерусской исторической мебели в различных культурных контекстах, авторских подходов к атрибуции, основанных на внимании к выразительности памятников материальной культуры и художественного ремесла, оказывают очевидное влияние не только на научное и музейное сообщество, но также становятся важным фактором актуализации этой части культурного наследия для широкой музейной аудитории. Представляется, что данное исследование даст новый импульс выявлению и научному осмыслению сохранившихся памятников древнерусской мебели, развитию коллегиальных междисциплинарных экспертиз, практик консервации и реставрации, что приведет к созданию межмузейных выставочных проектов, необходимость которых становится все более очевидна. На концептуальном уровне диссертационное исследование Н.В. Углевой стимулирует дальнейшее изучение и реинтерпретацию музейных коллекций, вовлекается в развитие методологии тезаврирования как фундаментального направления музеологии.

В связи с чем можно сделать вывод, что содержание и представление результатов диссертационного исследования «Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы, практики» соответствуют паспорту специальности 5.10.2 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов в части пунктов: 3. категории памятников культуры (история, теория, практика); 5. систематизация, классификация и типология объектов культурного и природного наследия; 9. история музейного дела и реставрации; 19. комплектование музейных фондов; 22. научные основы музейного каталогизирования; требованиям пп. 9-11 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335, от 02.08.2016 № 748, от 29.05.2017 № 650, от 28.08.2017 № 1024, от 01.10.2018 № 1168, от 20.03.2021 № 426, от 11.09.2021 № 1539, 26.09.2022 № 1690, 26.01.2023 № 101, 18.03.2023 № 415; с изм., внесенными Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2014 № АКПИ14-115), а ее автор Углева Наталья Владимировна заслуживает присуждения

ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.2
Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Официальный оппонент:
доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры музеологии и культурного наследия
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Балаш Александра Николаевна

26 января 2026 г.

Сведения об оппоненте:
Балаш Александра Николаевна, доктор культурологии (24.00.01 Теория и история культуры), профессор, профессор кафедры музеологии и культурного наследия, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», адрес: 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2, почта : dp@spbgik.ru, тел.: +7(812)318-97-97

Подпись руки

 _____ заверяю

специалист по кадрам

